

Учебник включён в Федеральный перечень

Авторы: Б.А. Ланин, Л.Ю. Устинова, В.М. Шамчикова

Литература : 7 класс : учебник для учащихся общеобразовательных организаций : в 2 ч. Ч. 2 / Б.А. Ланин, Л.Ю. Устинова, В.М. Шамчикова ; под ред. Б.А. Ланина. — 3-е изд., стереотип. — М. : Вентана-Граф, 2018. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-360-09257-5 (ч. 2)

ISBN 978-5-360-09255-1 (общ.)

Во второй части учебника представлены произведения русской и зарубежной литературы рубежа XIX–XX веков, русская поэзия и проза XX века. В рамках обсуждения ведущей темы 7 класса «Литература и действительность» раскрывается представление о литературе как способе познания мира, о взаимовлиянии жизни и искусства. Учебник способствует развитию литературной компетентности и расширению эрудиции учащихся, продолжает формирование у семиклассников навыков читательской и самостоятельной творческой деятельности.

Учебник может быть использован при углублённом изучении предмета. Входит в систему учебно-методических комплектов «Алгоритм успеха».

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования (2010 г.).

ББК 83/84я72

ISBN 978-5-360-09257-5 (ч. 2)
ISBN 978-5-360-09255-1 (общ.)

© Ланин Б.А., Устинова Л.Ю., Шамчикова В.М., 2009
© Издательский центр «Вентана-Граф», 2009
© Ланин Б.А., Устинова Л.Ю., Шамчикова В.М., 2014,
с изменениями
© Издательский центр «Вентана-Граф», 2014,
с изменениями

Страницы классики:
литература конца
XIX – начала XX века

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Антон Павлович Чехов родился 29 (17)¹ января 1860 года в городе Таганроге. В семье было шестеро детей: пятеро братьев и сестра. Отец требовал, чтобы дети хорошо учились, работали в принадлежащей семье лавке с пяти утра до одиннадцати вечера и пели в церковном хоре. Кроме того, дети обучались разным ремёслам: например, Антон учился на портного, хотя ему совсем не нравилось это дело!.. Ведь ещё с детства он чувствовал в себе иное призвание. Уже в четвёртом классе он писал для гимназического рукописного журнала. Именно здесь впервые было помещено сатирическое стихотворение тринадцатилетнего Чехова. Первое произведение для театра называлось «Безотцовщина» — и это при живом и властном отце...

Детство Чехова было благополучным, но вскоре отец разорился. Семья перебралась в Москву. Только Антон остался в Таганроге, чтобы окончить гимназию. На жизнь пришлось зарабатывать частными уроками. Через три года, в 1879 году, он приезжает вслед за семьёй в Москву и поступает на медицинский факультет Московского университета. В это время, как ни странно, литературный труд становится для Антона Чехова основным заработком: он пишет небольшие рассказы, юморески для юмористических журналов «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», подписываясь псевдонимами «Антоша Чехонте», «Человек без селезёнки» и др. Этих публикаций становилось всё больше, и

¹ В скобках приводятся даты по старому стилю. Новый григорианский календарь принят в России в 1918 году.

в 1886–1887 годах последовательно выходят в свет два первых сборника рассказов А.П. Чехова. Он уже окончил университет, стал земским врачом, получил место в больнице недалеко от Звенигорода. Наступало время выбора: работать врачом или предпочесть поприще литератора? К счастью для читателей, Чехов выбирает литературу.

В этом году вы познакомитесь с юмористическими рассказами А.П. Чехова. Герои этих рассказов – обычные люди, которым присущи слабости и пороки. Автор относится к ним снисходительно – порицает, но не бичует. Чехов нашёл свой тон в литературе, который и в наше время привлекает читателей. М. Горький писал Чехову во второй половине июля 1902 года: «Вот что: сапожник из села Борисполя Полтавской губернии просит Вас прислать ему книжку Вашу, в которой напечатан рассказ „Хамелеон“. Он, сидя в вагоне, слышал, как публика, читавшая этот рассказ и другие, – хвалила Ваши произведения, и вот, не зная Вашего адреса, написал мне, чтобы я попросил Вас послать ему книжку и Ваш портрет. Бедный он, большая семья. Пошлите ему, а?»

Познакомьтесь с замечательными короткими рассказами писателя, а произведения Чехова-драматурга вы будете изучать в старших классах.

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель² Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской³ с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... От-

¹ *Хамелеон* – пресмыкающееся, которое изменяет свою окраску, когда изменяется окружающая его среда. В переносном смысле – беспринципный человек, который легко меняет своё мнение или свои предпочтения и вкусы.

² *Полицейский надзиратель* – чиновник городской и сыскной полиции, которому подчинялись городские.

³ *Городской* – рядовой городской полиции.

крытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребят, не пущай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!..¹ — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой² щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не

¹ *Вáше благородие* — так было принято обращаться к чиновникам и военным, чин которых соответствовал IX–XIV классам в Табели о рангах.

² *Борзáя* — порода охотничьих собак.

пошевелину... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Дóлжно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто¹ она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой² ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой³ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах...⁴ ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

¹ *Нешто* (простореч.) — разве, неужели.

² *Цигарка* — папироса.

³ *Мировой судья* — обычно рассматривал мелкие иски, избирался либо уездным собранием, либо городской думой.

⁴ *Жандарм* — чин в политической полиции.

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...¹

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городовой. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надёнька, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Подика, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

¹ *Легавая* — порода охотничьих собак.

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце...¹ А я ведь и не знал! Так это ихняя² собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Проخور зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Выскажите своё отношение к прочитанному

- Кто является главным героем рассказа?
- В каком обществе и в какую эпоху мог появиться такой персонаж, как Очумелов? Встречались ли вам подобные люди? Какие чувства они вызывают у вас?

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги³ встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом⁴ и флёр-д'оранжем⁵. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

¹ По *братце* — устаревшая грамматическая форма, сейчас не употребляется.

² *Ихняя* — просторечная форма местоимения «их».

³ *Николаевская железная дорога* — железная дорога между Петербургом и Москвой. Была открыта в 1851 году и названа в честь императора Николая I.

⁴ *Херес* — сорт вина.

⁵ *Флёр-д'оранж* — духи, модные в то время («цветок апельсина»).

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались¹ и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка...² А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом³ за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом⁴ за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором⁵ уже второй год и Станислава⁶ имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена

¹ *Облобызались* (устар.) — поцеловались.

² *Лютеранка* — протестантка, прихожанка лютеранской церкви.

³ *Герострат* — живший в городе Эфесе грек, который сжёг в 356 году до н. э. храм Артемиды Эфесской. Храм считался одним из чудес света, и Герострат добился вечной славы разрушителя.

⁴ *Эфиальт* — так звали предателя спартамца, который во время войны с персами в 500–499 годах до н. э. указал врагам потайную горную тропу. Персы воспользовались его предательством и уничтожили спартамцев.

⁵ *Коллежский ассессор* — чиновник VIII класса.

⁶ *Станислава имею* — награждён орденом Святого Станислава.

уроки музыки даёт, я портсигары приватно¹ из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте², а теперь сюда переведён столоначальником³ по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский?⁴ А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт⁵ и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с!⁶ Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с!⁷ Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съезжаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной

¹ *Приватно* — то есть неофициально, частным образом.

² *Департамент* — отдел высшего государственного учреждения.

³ *Столоначальник* — начальник отдела в государственном учреждении.

⁴ *Статский* — то есть статский советник, чин V класса, соответствующий воинскому званию полковника.

⁵ *Вытянулся во фрунт* — то есть встал по стойке «смирно» («во фронт», навывтяжку и повернулся лицом к говорящему).

⁶ Так называемое слово-ер — название звука «с», которое прибавляли к концу слова в знак уважения говорящего к собеседнику. Произошло от слова «сударь».

⁷ *Вельмóжа* — знатный чиновник или государственный деятель.

кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Решаем читательские задачи

1. О чём этот рассказ? Сформулируйте его тему.
2. Как изменяется речь персонажей по ходу их встречи?
3. Какие ещё приёмы помогли Чехову подчеркнуть нелепость происходящего?
4. Найдите в тексте кульминационный момент. С какой целью Чехов использует весь ряд синонимичных глаголов?

УНТЕР ПРИШИБЕЕВ

— Унтер-офицер¹ Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что третьего сего сентября оскорбили словами и действием урядника² Жигина, волостного старшину Аляпова, сотского³ Ефимова, понятых⁴ Иванова и Гаврилова и ещё шестерых крестьян, причём первым трём было нанесено вами оскорбление при исполнении ими служебных обязанностей. Признаёте вы себя виновным?

Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и отвечает хриплым, придушенным голосом, отекающая каждое слово, точно командуя:

¹ *Унтер-офицёр* — младший командир в русской армии и на флоте. Унтер-офицерами считались обладатели следующих воинских и флотских званий: фельдфебель, вахмистр (в кавалерии), кондуктор (на флоте), фейерверкер (в артиллерии), урядник (у казаков).

² *Урядник* — нижний чин в уездной полиции в России в 1878–1917 годах, помощник станового пристава.

³ *Сотский* — выборное (обычно от ста дворов) должностное лицо из крестьян для выполнения полицейских обязанностей.

⁴ *Понятый* — человек, привлекаемый полицией в свидетели при проведении административных процедур: опознаний, обысков и т. п.

— Ваше высококородие, господин мировой судья! Стало быть, по всем статьям закона выходит причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности. Виновен не я, а все прочие. Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мёртвого трупа. Иду это я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю — стоит на берегу куча разного народа людей. По какому полному праву тут народ собрался? — спрашиваю. Зачем? Нешто в законе сказано, чтоб народ табуном ходил? Кричу: разойдись! Стал расталкивать народ, чтоб расходились по домам, приказал сотскому гнать взащей...

— Позвольте, вы ведь не урядник, не староста, — разве это ваше дело народ разгонять?

— Не его! Не его! — слышатся голоса из разных углов камеры. — Житья от него нету, вашескородие!¹ Пятнадцать лет от него терпим! Как пришёл со службы, так с той поры хоть из села беги. Замучил всех!

— Именно так, вашескородие! — говорит свидетель староста. — Всем миром жалимся. Жить с ним никак невозможно! С образами ли ходим², свадьба ли, или, положим, случай какой, везде он кричит, шумит, всё порядки вводит. Ребятам уши дерёт, за бабами подглядывает, чтоб чего не вышло, словно свёкор какой... Намеднись по избам ходил, приказывал, чтоб песней не пели и чтоб огней не жгли. Закона, говорит, такого нет, чтоб песни петь.

— Погодите, вы ещё успеете дать показание, — говорит мировой, — а теперь пусть Пришибеев продолжает. Продолжайте, Пришибеев!

— Слушаю-с! — хрипит унтер. — Вы, ваше высококородие, изволи-те говорить, не моё это дело народ разгонять... Хорошо-с... А ежели беспорядки? Нешто можно позволять, чтобы народ безобразил? Где это в законе написано, чтоб народу волю давать? Я не могу позволять-с. Ежели я не стану их разгонять да взыскивать, то кто же станет? Никто порядков настоящих не знает, во

¹ *Вáше высококорóдие* — обращение к чиновнику V класса (полковник — у военных, статский советник — у статских, то есть гражданских).

² *С образа́ми ли ходим* — то есть крестный ход с иконами.

всём селе только я один, можно сказать, ваше высокородие, знаю, как обходиться с людьми простого звания, и, ваше высокородие, я могу всё понимать. Я не мужик, я унтер-офицер, отставной каптенармус¹, в Варшаве служил, в штабе-с, а после того, изволите знать, как в чистую вышел², был в пожарных-с, а после того по слабости болезни ушёл из пожарных и два года в мужской классической прогимназии³ в швейцарах служил... Все порядки знаю-с. А мужик — простой человек, он ничего не понимает и должен меня слушать, потому — для его же пользы. Взять хоть это дело, к примеру... Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утопый труп мёртвого человека. По какому такому основанию, спрашиваю, он тут лежит? Нешто это порядок? Что урядник глядит? Отчего ты, говорю, урядник, начальству знать не даёшь? Может, этот утопый покойник сам утоп, а может, тут дело Сибирью пахнет. Может, тут уголовное смертоубийство... А урядник Жигин никакого внимания, только папирску курит. «Что это, говорит, у вас за указчик такой? Откуда, говорит, он у вас такой взялся? Нешто мы без него, говорит, не знаем нашего поведения?» Стало быть, говорю, ты не знаешь, дурак этакой, коли тут стоишь и без внимания. «Я, говорит, ещё вчера дал знать становому приставу». Зачем же, спрашиваю, становому приставу? По какой статье свода законов? Нешто в таких делах, когда утопшие, или удавившие, и прочее тому подобное, — нешто в таких делах становой может? Тут, говорю, дело уголовное, гражданское... Тут, говорю, скорей посылать эстафет господину следователю и судьям-с. И перво-наперво ты должен, говорю, составить акт и послать господину мировому судье. А он, урядник, всё слушает и смеётся. И мужики тоже. Все смеялись, ваше высокородие. Под присягой могу показать. И этот смеялся, и вот этот, и Жигин смеялся. Что, говорю, зубья скалите?

¹ *Каптенáрмус* — должностное лицо в армии, отвечающее за учёт и хранение оружия и имущества на ротном складе. В России должность была введена в 1716 году и упразднена в 1950-х годах.

² *В чистую вышел* (устар.) — вышел в отставку.

³ *В мужской классической прогимназии* — то есть в учебном заведении, в котором обучались только мальчики и преподавали древние языки.

А урядник и говорит: «Мировому, говорит, судье такие дела не подсудны». От этих самых слов меня даже в жар бросило. Урядник, ведь ты это сказывал? — обращается унтер к уряднику Жигину.

— Сказывал.

— Все слышали, как ты это самое при всём простом народе: «Мировому судье такие дела не подсудны». Все слышали, как ты это самое... Меня, ваше высокородие, в жар бросило, я даже сробел весь. Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказал! Он опять эти самые слова... Я к нему. Как же, говорю, ты можешь так объяснять про господина мирового судью? Ты, полицейский урядник, да против власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господин мировой судья, ежели пожелают, могут тебя за такие слова в губернское жандармское управление по причине твоего неблагонадёжного поведения? Да ты знаешь, говорю, куда за такие политические слова тебя угнать может господин мировой судья? А старшина говорит: «Мировой, говорит, дальше своих пределов ничего обозначить не может. Только малые дела ему подсудны». Так и сказал, все слышали... Как же, говорю, ты смеешь власть уничивать? Ну, говорю, со мной не шути шуток, а то дело, брат, плохо. Бывало, в Варшаве или когда в швейцарах был в мужской классической прогимназии, то как заслышу какие неподходящие слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма. «Пооди, говорю, сюда, кавалер¹», — и всё ему докладываю. А тут в деревне кому скажешь?.. Взяло меня зло. Обидно стало, что нынешний народ забылся в своеволии и неповиновении, я размахнулся и... конечно, не то чтобы сильно, а так, правильно, полегоньку, чтоб не смел про ваше высокородие такие слова говорить... За старшину урядник вступился. Я, стало быть, и урядника... И пошло... Погорячился, ваше высокородие, ну да ведь без того нельзя, чтоб не побить. Ежели глупого человека не побьёшь, то на твоей же душе грех. Особливо, ежели за дело... ежели беспорядок...

— Позвольте! За непорядками есть кому глядеть. На это есть урядник, староста, сотский...

¹ *Кавалёр* — почётное прозвище солдата вообще; лицо, награждённое каким-либо орденом.

— Уряднику за всем не углядеть, да урядник и не понимает того, что я понимаю...

— Но поймите, что это не ваше дело!

— Чего-с? Как же это не моё? Чудно-с... Люди безобразят, и не моё дело! Что ж мне хвалить их, что ли? Они вот жалятся вам, что я песни петь запрещаю... Да что хорошего в песнях-то? Вместо того, чтоб делом каким заниматься, они песни... А ещё тоже моду взяли вечера с огнём сидеть. Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи. У меня записано-с!

— Что у вас записано?

— Кто с огнём сидит.

Пришибеев вынимает из кармана засаленную бумажку, надевает очки и читает:

— Которые крестьяне сидят с огнём: Иван Прохоров, Савва Микифоров, Пётр Петров. Солдатка Шустрова, вдова, живёт в развратном беззаконии с Семёном Кисловым. Игнат Сверчок занимается волшебством, и жена его Мавра есть ведьма, по ночам ходит доить чужих коров.

— Довольно! — говорит судья и начинает допрашивать свидетелей.

Унтер Пришибеев поднимает очки на лоб и с удивлением глядит на мирового, который, очевидно, не на его стороне. Его выпученные глаза блестят, нос становится ярко-красным. Глядит он на мирового, на свидетелей и никак не может понять, отчего это мировой так взволнован и отчего из всех углов камеры слышится то ропот, то сдержанный смех. Непонятен ему и приговор: на месяц под арест!

— За что?! — говорит он, разводя в недоумении руками. — По какому закону?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чём-то, он по привычке, с которой уже совладать не может, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом:

— Наррод, расходишь! Не толпись! По домам!